

ФИЛОСОФИЯ НАУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА КУЛЬТУРЕ

В статье проводится анализ основных сторон процесса научения человека культуре с позиций культуральной антропологии, психологии, генетики и философии образования. Научение как процесс и результат приобретения индивидуального опыта человека тесно связано с процессами полоролевой социализации, полового деформизма, первичной социализацией и развитием общения в онтогенезе. В архаических сообществах особую роль играют события инициации, посвящения и первобытного освоения традиций, в современном обществе – естественное (транситуационное) научение.

Инкультурация и социализация – это две стороны единого процесса, называемого «научением». Научение – это процесс и результат приобретения индивидуального опыта человеком. Оно отличается от «учения», так как последнее есть приобретение опыта в деятельности, направляемой познавательными мотивами, или мотивами и целями. Путем же научения приобретается любой опыт – язык, обряд, нормы, символы искусства, знания, умения, навыки и так далее. Как всякое приобретение опыта, научение человека включает протекающие неосознаваемо уяснение содержания материала и его закрепление (непроизвольное запоминание).

В отличие от других живых существ у человека почти нет форм поведения, которые позволяли бы ему с момента его рождения без всякой тренировки адекватно адаптироваться к его окружению, если не считать врожденные рефлекс (сосательный, глотательный, чихательный, мигательный и тому подобное). У человека роль и значение научения меняются в ходе онтогенеза. «В дошкольном возрасте, – отмечает психолог С.Ю. Головин, – научение – основной способ приобретения опыта, затем оно отодвигается на второй план, уступая место учению – учебной деятельности, хотя и не теряет значения полностью. Важнейший фактор научения – место усваиваемого материала в соответствующей деятельности. Человек лучше научается материалу, который занимает место цели деятельности».

Таким образом, научение человека есть познавательный процесс усвоения социального опыта, в котором он развивает в себе способность представлять внешние влияния и отвечать на них символически, в виде «внутренней модели внешнего мира», где реальность ее является социально определяемой. Но определения эти всегда воплощены, т. е. конкретные индивиды и группы индивидов оказываются теми, кто определяет реальность. Освоение человеком их

социальных ролей и культурных норм посредством подражания в младенчестве, обучения и образования в зрелом возрасте, заканчивающееся в глубокой старости, можно назвать социализацией. Это длительный процесс становления человеческой личности как полноправного участника социально сконструированного универсума. Инкультурация – это то же, что социализация – процесс освоения членом конкретного общества основных черт и содержания культуры своего общества, менталитета, культурных образцов и стереотипов (паттернов). Социализация и инкультурация как культурно-антропологические категории важны уже постольку, поскольку без них не построить практики философии образования, которая эксплицирует ряд таких проблем, как – что есть личность, Бог и человек, его миф и экзистенция. «При этом, – пишет в своей статье С.А. Смирнов, – мы должны помнить, что философия образования – не общая теория обучения, не еще одна теоретическая дисциплина, не еще одна область знания (по принципу – философия искусства, философия науки, философия техники и прочее). Философия образования – это терапия человека, выделение человеческого в человеке, удержание плана целостности его образа... Но нельзя смешивать философию образования и философскую антропологию. Последняя является лишь частью философии образования. В общем образовательном поле можно выделить три плана: логос человека (план антропологии – понятие человека, постижение его природы, выстраивание этого понятия в некоем учении); номос человека (план антропоники – возделывания человека, поиска его образа, становления человеческой природы, родовых личностных качеств); техне человека (план антропотехники – как, через что, через какие техники, средства, орудия происходит очеловечивание человека, как перейти от логоса – к номосу). Все эти три плана (антропология, антропоники, антро-

потехника) и образуют пространство философии образования. Философская антропология – первая часть в этой триаде. В этой связи выделение философии образования в очередную отдельную дисциплину – дело малоперспективное. Философия как практика философствования конкретных философов должна не выделяться в академическую дисциплину, а встраиваться в межпрофессиональные образовательные проекты¹.

Полоролевая социализация неотъемлема от научения и предстает собой процесс, в ходе которого индивид усваивает свою гендерную роль и соответствующие ей правила поведения. Так как инкультурация и социализация ребенка строятся на освоении порождающих его культуру компонентов: социальных потребностей и действий, собственно врожденные (биологические) потребности как первичные, базовые формируют вторичные социальные потребности (универсальные побуждения человеческой активности: желания, запросы), где социальные действия являются функциональными организаторами этой активности. Биологические же потребности определяются генетической программой организма человека, что обычно связано со становлением гонадного пола у человека. «Гонады» (от греч. γωνή – семя) – это половые железы человека, поэтому гонадный пол – это пол, который идентифицируется по основному показателю половой принадлежности – гистологическому строению половой железы. «Пол, – пишет И.С. Кон в книге «Введение в сексологию», – это совокупность морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих половое размножение, сущность которого сводится в конечном счете к оплодотворению. Однако слова «пол», «половая принадлежность» или «половая идентичность» имеют также более широкий смысл, обозначая личный биологический и социальный статус индивида как мужчины или женщины, самца или самки, устанавливаемый на основании строения гениталий, а иногда и других соматических и поведенческих признаков». Впервые пол человека фиксируется при его рождении на основании его генитальной внешности и называется аскриптивным (предписанным), или гражданско-паспортным полом.

На полоролевую социализацию человека влияют и такие социальные факторы, как: 1) структура его деятельности и взаимодействия с другими людьми; 2) нормы сексуальной мо-

рали в сообществе; 3) нормы, определяющие супружеские роли, и т. д. Начинается полоролевая социализация человека уже тогда, когда в детском возрасте формируется половая идентичность: ребенок задается вопросом – «кто я, мальчик или девочка?» Особую роль в этом может сыграть окружение ребенка: родители, учителя, которые научают его половым ролям, очерчивают ему образ его пола; сверстники, друзья, представители противоположного пола заставляют эмоционально переживать свой статус или ущербность в процессе половой идентификации; наконец, сегодня немаловажную роль в этом процессе играют средства массовой информации. Впервые человек осознает свой пол в возрасте полутора лет (первичная идентичность), а к трем – четырем годам половая принадлежность уже ассоциируется с определенными свойствами его тела и поведением. На физиологическом базисе образа тела создается личностная надстройка, с помощью которой образуются психологические и эстетические модели тела, несущие и оценочную функцию. На высшем социально-духовном уровне развития схемы тела формируются символы, связанные с такими представлениями, как полоролевые функции и мораль. Окончательное осознание человеком своей половой идентичности предполагает определенное отношение к ней – полоролевая ориентация, полоролевые предпочтения. Дифференциация деятельности индивидов, их статусов, прав и обязанностей в зависимости от их пола называется половой ролью человека.

В период полового созревания человека (pubertat) по сигналам, поступающим из гипофиза и гипоталамуса, гонады начинают интенсивно вырабатывать мужские и женские гормоны, под влиянием которых появляются вторичные половые признаки и пубертатные эротические переживания. Таким образом, гормональный пол – определяется гонадным полом. Данное воздействие накладывает на уже существующий опыт и самосознание подростка и формируется окончательная половая идентичность. Но нельзя согласиться с общепринятым мнением о том, что у ребенка отсутствует всякое половое переживание и пробуждается оно только в «пубертат». З. Фрейд (1856-1939 гг.) в работе «Три очерка по теории сексуальности» назвал этот период в жизни человека «инфантильным», а половые влечения в детстве «инфантильная сексуальность». Амнезия, как считает Фрейд, которая окутывает первые

годы детства до 6-8 лет нашей жизни, не позволяет многим авторам восполнить опыт этих переживаний. Для него «инфантильная амнезия» тесно связана с «истерической». «Истерическая амнезия, – пишет Фрейд, – служащая вытеснению, объясняется только тем, что у индивида уже имеется запас воспоминаний, которыми он не может сознательно распорядиться и которые по ассоциативной связи притягивают к себе все то, что направляется со стороны сознания действие отталкивающих сил вытеснения. Без инфантильной амнезии, можно сказать, не было бы истерической амнезии. Я полагаю, что инфантильная амнезия, превращающая для каждого человека его детство как бы в доисторическую эпоху и скрывающая от него начало его собственной половой жизни, виновна в том, что детскому возрасту в общем не придают никакого значения в развитии сексуальной жизни»².

Половой деформизм и культуральные понятия мужественности и женственности у человека возникают в виде способности к различению полов и включают в себя самый широкий спектр соматических и поведенческих различий. Сущность «полового деформизма скрыта в особенностях процесса размножения. Половое размножение обеспечивает значительно более быстрое создание новых генетических комбинаций, что облегчает их носителям приспособление к меняющимся условиям среды, причем самцы и самки выполняют в этом процессе разные функции». В.А. Геодакян, опираясь на идеи И.И. Шмальгаузена, в своей работе показывает, что процесс самовоспроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность – консервативный фактор, который стремится сохранить неизменными у потомства все родительские признаки, и изменчивость, благодаря которой возникают новые признаки³. Женское олицетворяет как бы постоянную «память», а мужское – оперативную «память» вида. Любой поток информации из окружающей человека среды (изменение внешних условий) сначала воспринимают мужчины, которые теснее связаны с внешней средой. Лишь затем, после отсеивания устойчивых сдвигов от временных, случайных, генетическая информация попадает внутрь защищенного мужчинами устойчивого «инерционного ядра» популяции, представленного женщинами. Поскольку мужчины воплощают в себе принцип изменчивости, все новые признаки в развитии

вида сначала возникают у мужчин и лишь затем передаются женщинам, у которых сильнее представлены следы исчезнувших генетических признаков (рудиментов). Исходя из этих положений, можно объяснить не только ряд биологических гендерных различий (например, повышенную смертность мужчин по сравнению с женщинами), но и социально-психологических (например, в социологии до середины 60-х гг. преобладала концепция «естественной взаимодополняемости полов», по которой, как считали американские социологи Т. Парсонс и Р. Бейлс, мужские роли являются «инструментальными», а женские – «экспрессивными»). Согласно традиционным представлениям древних культур «мужское», активное и светлое начало в мир вносит творческий импульс, изменение, или направление действия, а «женское» как пассивно-природная сила, воспринимая этот импульс, наполняя его своей эмоциональной теплотой, постепенно воплощает в форму бытия, поддерживая целостность и устойчивость мира.

Первичная социализация человека и развитие общения в онтогенезе проявляются в виде двух слитых между собой линий поведения ребенка: первая линия – умение употреблять в своем поведении знаки в процессе воздействия на другого человека и вторая линия – это умение использовать предметы, воздействуя на какие-либо объекты. Обе линии развиваются из способности ребенка к опосредованию в деятельности и мышлении. Например, шестимесячный ребенок может воздействовать одним предметом на другой, развивая способность добиться чего-нибудь посредством этого предмета; в 10-12 месяцев ему свойственно умение употреблять простейшие орудия, разрешая задачи, сходные с теми, которые решает взрослая шимпанзе; от 2-х до 5-ти лет уже возникает возможность изменения природы самого себя в труде или общении. В полной мере предметная деятельность и общение ребенка могут способствовать социализации в совместной деятельности с другими людьми и общении со взрослыми. Например, в интериоризации (то есть «вращивании» и «присваивании» социальных знаково-символических структур и средств этой деятельности в общении), на базе чего формируется мировоззрение и психика личности, и в экстериоризации.

Межличностная ситуация как базовая единица научения человека в повседневной жизни представляет собой специфическую для каж-

дого возрастного периода систему отношений человека в обществе, отраженную в его переживаниях и реализуемую им в совместной деятельности с другими людьми. Она включает в себя четыре основных момента: 1) идентификацию, то есть понимание и интерпретацию другого путем отождествления себя с ним; 2) социально-психологическую рефлексию – понимание другого путем размышления за него; 3) эмпатию – сопереживание другому, вчувствование в его самосостояние; 4) стереотипизацию – распространение на другого характеристик какой-либо группы.

Механизм идентификации начинает действовать очень рано: дети, подражая своим родителям, воспроизводят их свойства чисто внешне, но одновременно усваивают внутренние черты родителей. Характерная особенность идентификации в том, что она проходит, особенно на первых порах, независимо от сознания ребенка и не контролируется полностью родителями. Это накладывает на воспитателей особую ответственность – за качество собственной личности. На более поздних возрастных стадиях чрезвычайно расширяется круг лиц, из коих выбирается образец – объект идентификации. Среди таковых могут быть не только реальные люди, знакомые или незнакомые, но и литературные герои. Но обычно наступает время, когда «образец» теряет притягательность и субъективную значимость, и это естественно: личность восприняла от образца нечто важное и нужное, но у нее – свой путь. Дезактуализация образца знаменует завершение определенного этапа в развитии личности, ее подъем на новую ступень: оказывается, что сложились новые отношения, появились новые мотивы, и это заставляет ставить новые цели и искать новые идеалы.

Когда подходит к концу раннее детство ребенка, его идентификация приобретает более конкретные гендерные черты: сыновья выходят из-под влияния матери и стараются больше подражать отцам. Например, в первобытном обществе это являлось одним из важных элементов научения, т. к. давало возможность постичь искусство охоты, устройства ловушек, рыболовства и ведения войны. Мальчики участвовали в играх, организаторами которых часто были взрослые, использовали игрушечные оружия и орудия, подобные тем, которыми пользуются их отцы, ловили мелких зверей в западни, представляющие собой копии больших западней,

сделанных отцами. Девочки также, сначала играя, а затем всерьез учились у матерей шить одежды и обувь, собирать плоды, ткать и прясть, вплоть до проникновения в тайны искусства украшения своего тела и лица. В играх дети часто копировали и священные церемонии взрослых. «В то время как, например, родители пангве с великим почтением хранят черепа предков в деревянной бочке, их дети сооружают из пальмовой сердцевины маленькие бочонки, куда прячут обезьяньи черепа; при помощи их они копируют священные танцы с черепами, исполняемые их родителями».

Экстраординарными событиями в процессе научения человека для многих народных культур являются обряды инициации и посвящения. Обряд инициации проводился над ребенком, достигшим половой зрелости, и знаменовал для него конец детства и превращение во взрослого члена сообщества. Как всякое важное событие в жизни человека, инициация воспринималась в образах жертвоприношения – символах смерти и последующего воскресения. Мальчик, чтобы стать настоящим мужчиной, должен был выдержать испытание, символическим сюжетом которого было его путешествие как мистического героя в царство смерти (то есть «умереть» на какое-то время, например, впадая в обморочное состояние), после чего возродиться вновь в новом качестве. Инициация как тайный обряд закрыт для посторонних, поэтому описание этого события возможно только тем, кто сам в нем участвовал. Например, английский антрополог Хауитт был принят в члены австралийского племени курнаи, или священник Гузинде, который испытал этот обряд у огнеземельцев селкнам (индейского племени андо-экваториальной группы народов). Вот описание Гузинде обстоятельств, связанных с инициацией у селкнамского племени: после длительных совещаний старейшины племени назначают дату обряда, во время которого происходит посвящение в важнейшие тайны племени, прежде чем им будут предоставлены привилегии взрослых. Они говорят: «Мы наблюдаем за юношей, чтобы установить, способен ли он молчать, достаточно ли он уже отошел от игр маленьких детей и освоил ли он уже предстоящую ему в будущем работу. Если он не удовлетворяет нашим требованиям, мы заставляем его ждать до следующего праздника». Юношей, предназначенных к инициации, уводили из дома отцы. Проводы посвящаемого были похожи на

проводы в мир иной. Его, как покойника, кра-сили и одевали близкие родственники, особым образом украшали и оплакивали. Ведь по окончании обряда, став взрослым, он уже не мог возвратиться «маменькиным сынком». Во время обряда его подвергали истязаниям, которые он как мужчина должен был выдержать. Как пишет Ю.Липс: «Их нещадно били, рассекали кожу на спине, пропускали под кожу ремни, за которые их подвешивали к потолку, пытали огнем, в раны втирали перец. Нуэр делают юношам поперечные надрезы на лбу; папуасы нор Новой Гвинеи прокалывают им половой член и бьют их колючими розгами. Чрезвычайно широко распространенный обряд обрезания, который называют «символической кастрацией», представляет собой, в сущности, не что иное, как еще одну форму символической смерти»⁴. Последствия таких обрядов: отрубленный палец, рубцы и татуировки на теле, выбитые зубы – подтверждение мужского достоинства их носителя. Цель посвящения «во взрослые» члены племени: воспитание выносливости, безропотного послушания старейшинам, создание ощущения пребывания в преисподней.

Но взрослыми становятся не только мальчики, но и девочки. Многими народами достижение девушкой половой зрелости, связанное с первой менструацией, отмечается как праздник, песнями и танцами. На Новой Гвинее девушку по этому случаю одаривают подарками следующего содержания: новый набедренный пояс, браслеты и ожерелья, сделанные из драгоценных для этих народов собачьих зубов. Но получит она эти вещи лишь тогда, когда пройдет обучение искусству ведения домашнего хозяйства и ознакомится с историей своего племени. У северо-американских индейцев племени апачей (группа атапаскских народов) на церемонии посвящения девушек гоняют, бьют и подвергают строгому экзамену, после чего они под аккомпанимент барабанов, преследуемые шутами и замаскированными под демонов мужчинами, должны танцевать на новом одеяле. Но смысл женского научения в корне отличается от мужского. В его основе заложена необходимость подготовить девушку к браку и семье, рождению и воспитанию детей, знахарству и сексуальной жизни.

Социализация и формальное образование человека в современном обществе обусловлены следующими факторами: а) изменениями функций современной семьи; б) распадом ближайше-

го социального окружения ребенка; в) превращением традиционной для научения религиозности в сообществе в ритуал; и, наконец, г) школа, брошенная на произвол судьбы, как единственный институт, ответственный за социализацию ребенка, будучи классической системой образования, сегодня менее всего пригодна для этого, ибо попытки сведения сущности научения к усвоению определенной суммы знаний об отдельном сущем не учат ребенка мыслить. Она по структуре своей и носителям ее отношений (например, преобладающие в школе женщины-учителя по природе своей консервативны как защитники и оберегатели культуры) проповедует формальное образование – оторванное от конкретного познания действительности, не подкрепленное практическими действиями абстрактное бессодержательное познание мира.

П.П. Блонский центральной проблемой научения человека считал проблему усвоения. Вопреки устоявшемуся мнению о том, что решающая роль в усвоении принадлежит памяти, он доказал, что это не так: память играет лишь вспомогательную роль, а главная роль отводится мышлению. Исходным пунктом мышления П.П. Блонский называет «искание». «Каждая ступень мышления, – пишут И.И. Ремезова и Т. П. Анишина в статье «Проблема человека в философии образования», – рассматривается [им] не в аспекте плоского эволюционизма, а в свете диалектических законов. На зрелом этапе своих исследований он изучал связь мышления с эмоционально-волевой сферой, открывающую выход к творчеству»⁵.

Подводя итог нашему анализу проблемы научения человека, следует подчеркнуть, что естественное (трансситуационное) научение как процесс и результат приобретения человеком собственного индивидуального опыта, незаменимое и неотвратимое средство трансмиссии (передачи) культурных традиций из поколения в поколение. Роль и значение научения всегда меняется с возрастом человека по мере того как он накапливает в себе и творит заново элементы культуры. Отногенез характеризуется факторами первичной социализации и развитием общения, например, дошкольный возраст – из научения вырастает способность к учению, окончательно оформляясь в виде учебной деятельности в школьный период жизни ребенка. Отсюда выстраивается способность к обучению и воспитанию – это общественно выбранные способы передачи челове-

ческого опыта, обеспечивающие «искусственное развитие ребенка» (в противовес «естественному развитию детеныша животного»). Гендерный путь научения человека в основе своей представляет присвоение искусственного, культурно созданного опыта человечества. И если мы это не учитываем, нас ждет «пуери-

лизм, – как пишет в своем труде нидерландский философ Йохан Хейзинга, – позиция общества, чье поведение не отвечает уровню разумности и зрелости, ... которое вместо того, чтобы готовить подростка к вступлению во взрослую жизнь, свое собственное поведение приравнивает к отроческому»⁶.

Список использованной литературы:

1. Смирнов С.А. Философия образования – не дисциплина, а терапевтическая практика // Вопросы философии. – 1995. – №11. – С. 28.
2. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М., 1989. С. 151-152.
3. См.: Геодакян В.А. Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации // Проблемы передачи информации. – 1965. – №1. – С. 105-112.
4. Происхождение вещей. Очерки первобытной культуры. М., 1995. С. 232-233.
5. Философия образования: Сб. статей. М., 1992. С. 138-139.
6. См.: Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1994. С. 328.